Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/UKYNVH
УДК 821.411.21.0
ББК 83+83.3(5)

ОТ ЧУДЕСНОГО КАК РЕАЛЬНОСТИ К РЕАЛЬНОСТИ КАК ЧУДЕСНОМУ: ЭВОЛЮЦИЯ АРАБСКОГО ТРАВЕЛОГА В XIX В.

© 2024 г. А.Б. Куделин
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 17 августа 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 27 сентября 2024 г.
Дата публикации: 25 декабря 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-32-49

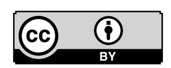
Аннотация: Становление новой арабской литературы ознаменовалось публикацией в XIX в. травелогов египетских авторов: «Описание Парижа» ат-Тахтави, «Сведения о России» ат-Тантави и «‘Алам ад-Дин» Мубарака. Пропаганда достижений европейского технического прогресса и европейской цивилизации в этих произведениях напоминает об их генетической близости к средневековому жанру *рихла* (араб. «путешествие»), характеризующемуся нерасчлененностью научного и художественного начал, балансированием между достоверным и вымыслом. В новой арабской литературе травелоги одновременно сохраняют отношения преемственности со средневековыми произведениями *рихла* и противопоставляются им. Обе группы арабских сочинений расширяли мировоззренческий кругозор своих соотечественников посредством описаний *необычных* явлений, выходящих за пределы *обычных* представлений о реалиях окружающего их мира. Принципиальное же различие между двумя группами текстов сводится к тому, что особость средневековых текстов состоит в том, что в них *чудесное* (*‘аджа’иб*, *mirabilia*) описывается как неотъемлемая составляющая *реального* мировидения средневекового араба-мусульманина, тогда как в сочинениях арабских просветителей в качестве *чудесного* и *диковинного* пропагандируются *реалии* иноземного мира, инородные элементы по отношению к прежде герметичному, но ныне готовому к обновлению извне арабо-мусульманскому миру.

Ключевые слова: средневековая арабская описательная география, достоверность и вымысел в произведениях *рихла*, арабский травелог XIX в., *диковинки* (*‘аджа’иб*) в новой арабской литературе, ат-Тахтави, ат-Тантави, Мубарак.

Информация об авторе: Александр Борисович Куделин — академик РАН, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель ИМЛИ РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, 125009 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9802-5382

E-mail: abkudelin@yandex.ru

Для цитирования: *Куделин А.Б.* От чудесного как реальности к реальности как чудесному: эволюция арабского травелога в XIX в. // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 4. С. 32–49. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-32-49

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 4, 2024

FROM "THE MIRACULOUS AS REAL" TO "THE REAL AS MIRACULOUS": ON EVOLUTION OF ARAB TRAVELOGUE IN THE 19TH CENTURY

© 2024. Alexander B. Kudelin
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: August 17, 2024
Approved after reviewing: September 27, 2024
Date of publication: December 25, 2024

Abstract: The rise of the New Arabic literature was highlighted by the publication of several 19th-century travelogues by Egyptian authors: "The Extrication of Gold in Summarizing Paris" by al-Ṭahṭāwī, "The Sheikh's Journey to The Russian Country" by al-Ṭanṭāwī, and "ʿAlam al-dīn" by Mubārak. The celebration of the achievements of European technical progress and civilization in these works reveals their genetic closeness to the medieval genre of riḥla (Arab. "travel"), which unites the scientific and the artistic, balancing between the factual and the fictitious. In the New Arabic literature, travelogues are seen as offering simultaneously a continuation of medieval works of riḥla and a contrast to them. Both groups of Arabic works, medieval and new-Arabic, served to expand the horizon of compatriot readers through descriptions of uncommon phenomena that transgress the limits of their accustomed reality. The principal difference between the two groups of texts comes down to the following: the medieval works treat the miraculous (ʿadjā'ib, mirabilia) as an integral part of the real-world outlook of a medieval Arab Muslim, whereas in the writings of the Arab enlighteners, the miraculous is perceived as strange and outlandish and something having to do with the realities of foreign lands, alien to the Arab-Muslim world, which used to be almost intact, but in the 19th century opened up to many renewals from the outer world.

Keywords: medieval Arabic descriptive geography, real fact and fiction in the works of riḥla, Arabic travelogue of the 19th century, curiosities (ʿadjā'ib) in modern Arabic literature, al-Ṭahṭāwī, al-Ṭanṭāwī, Mubārak.

Information about the author: Alexander B. Kudelin, Academician of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Professor, Scholarly Director, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; Professor, Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya St., 11, 125009 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9802-5382

E-mail: abkudelin@yandex.ru

For citation: Kudelin, A.B. "From 'the Miraculous as Real' to 'the Real as Miraculous': On Evolution of Arab Travelogue in the 19th Century." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 4, 2024, pp. 32–49. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-32-49

К числу наиболее примечательных явлений, знаменовавших становление новой арабской литературы, европейские и восточные исследователи нередко относят произведения-травелоги XIX в. Упоминаются в этой связи два во многом сходные произведения египетских авторов, написанные в первой половине XIX в.: «Извлечение подлинного золота в описании Парижа» (далее — «Описание Парижа») (1834) Рифа‘а Рафи‘и ат-Тахтави, «Подарок проницательным со сведениями о России» (далее — «Сведения о России») (1850) Аййада ат-Тантави и более поздний роман «‘Алам ад-Дин» (1882) также египетского писателя ‘Али Мубарака. Первые два сочинения интересны прежде всего как живые свидетельства контактов арабов с европейцами в первой половине XIX в., как отражение умонастроений просвещенной части египетского общества, активно участвовавшей в синтезе нового и традиционного в национальной культуре. Эти же черты привлекают читателя и в романе-путешествии Мубарака.

Исследователи рассматривают произведения ат-Тахтави и ат-Тантави как ранние отчетливые свидетельства становления просветительской идеологии на Арабском Востоке, а роман Мубарака и более того — квалифицируют как «литературный манифест мусульманского просветительства». Ат-Тантави, ат-Тахтави и Мубарак стремились пробудить в своих соотечественниках интерес к достижениям европейского технического прогресса и лучшим институтам европейской цивилизации в целом, поскольку были убеждены, что их освоение и дальнейшее внедрение на Востоке сулит немалые практические выгоды [13, p. 109–119; 5, с. 138–139].

Пропаганда достижений европейского технического прогресса и европейской цивилизации в рассматриваемых арабских произведениях при-

дает им сходство с научно-популярной литературой[1]. Просветительская направленность описаний путешествий в новой арабской литературе неизбежно напоминает об их генетической близости к средневековому жанру *рихла* (араб. «путешествие»), конститутивным элементом поэтики которого была нерасчлененность научного и художественного начал. Не вдаваясь в детальное обсуждение этого сложного вопроса, коснемся его в нашей статье лишь в мере, необходимой для анализа материала жанра *рихла* в арабской литературе XIX в. в интересующих нас аспектах. Наш подход нацелен на уточнение представления о формах и пределах преемственности новой арабской литературы по отношению к средневековой в жанре описания путешествий.

Вначале необходимо сказать несколько слов о месте *рихла* в жанровой системе классической арабской литературы. Основополагающие суждения по данному вопросу содержатся в фундаментальном труде академика И.Ю. Крачковского об арабской географической литературе [6]. Ученый отмечает, что эта литература имеет две ветви: одна из них обращена в сторону науки географии, другая — в сторону изящной словесности. Первая из них — математическая, или астрономическая, география — возникла у арабов в конце VIII или начале IX в.; вторая — описательная география — начала оформляться практически одновременно с математической; эти две ветви иногда переплетались, в результате чего возникали произведения смешанного типа. Для арабской географической литературы типичнее и характернее линия описательной географии.

Арабские рассказы о путешествиях, согласно И.Ю. Крачковскому, не входят в описательную географию, хотя и сохраняют с ней прочные связи. Исследователь аргументирует свою позицию об особом положении *рихла*: в описательной географии в целом была сильна литературная тенденция, однако в этом жанре она становится определяющей, и баланс между наукой и литературой смещается в пользу последней; лучшие произведения *рихла* характеризуются высокой степенью литературной обработки (подробнее см.: [6, с. 16–17; 19, с. 303–304 и др.]).

1 Академик А.Е. Крымский называет роман Мубарака «беллетризованной энциклопедией» и пишет, что он оказал «несомненную культурную услугу» для осведомления широких масс во всех отраслях мусульманских и европейских знаний [7, с. 199, 200]; В.Н. Кирпиченко также характеризует «‘Алам ад-Дин» как «слегка беллетризованную научную прозу» [5, с. 139].

Мнение о преимущественно литературном характере *рихла* на фоне ведущих жанров арабской описательной географии разделяется многими европейскими учеными второй половины XIX – XX в. Оно основывается на давно утвердившейся в востоковедении оценке средневековой арабской географической литературы по критериям географической науки. В контексте такого подхода Я.Р. Неттон, например, говорит, что *рихла* представляет собой жанр, который целесообразнее описывать как явление литературы, нежели географии. В этой художественной форме соединяются правдоподобный, документальный материал и *вымысел*, *чудесное*, *невероятное*, *диковинки* (*ʽаджа'иб* /чудеса/, *mirabilia*). Вследствие этого к оценке их научной, географической или исторической, ценности следует подходить с осторожностью. Средневековая *рихла* должна рассматриваться как литературный жанр; это скорее разновидность нравоучительной литературы *адаба*, нежели жанр история или география [14].

Долгие годы критерием оценки произведений арабской описательной географии и жанра *рихла* — независимо от того, относил или же не относил тот или иной исследователь данный жанр к географической литературе, — остается достоверность сообщаемых в них сведений. Традиция «документального» подхода к классической арабской литературе, к произведениям жанра *рихла*, в частности, восходит к исследованиям XIX в. Поиски «достоверных» фактов в средневековых арабских географических текстах являлись главной целью в классических востоковедных трудах XX в., завоевавших заслуженное признание в мировой науке. В частности, труд И.Ю. Крачковского «Арабская географическая литература» дает, согласно В.П. Демидчику, «суммарное представление о географической литературе» без анализа вопросов, «выходивших за рамки достоверных землеописательных представлений арабов» [3, с. 22]. Однако ограничиться определением лишь этой стороны дела в востоковедных сочинениях XIX – первой половины XX в. значило бы дать им неполную характеристику. Оценки средневековых географических сочинений в целом строились на анализе соотношения приводившихся в них достоверных и недостоверных данных. При преимущественном внимании к произведениям описательной географической литературы арабов прежде всего как к важнейшему источнику сведений об истории, этнографии многих стран мира акцент ставился на разработке соответствующих методов научной критики, которые по-

зволяли «рассеять туман средневекового фантастического ви́дения мира» и благодаря которым эти сведения обретали значение научных (прежде всего исторических) фактов. Исследователи XIX – первой половины XX в., как правило, лишь задавались вопросом, «насколько можно доверять сообщениям», в которых встречаются фантастические суждения, преувеличения, свойственные «человеку средневековья, легко допускавшему чудесное и объяснявшего им всё непонятное» и не скупились на «суровые» оценки[2].

При обнаружении рукописей, известных ранее только по названиям произведений арабской описательной географии, исследователи еще и во второй половине XX в. обычно ограничиваются лишь оценкой их как исторических источников, только в отдельных случаях стараются и в фантастических сообщениях находить определенную ценность, не задаваясь вопросом об их художественной значимости как памятников средневековой литературы[3]. Между тем произведения арабской описательной географии, как и многие средневековые исторические произведения, стояли на стыке научной и художественной прозы [3, с. 217–218][4], свидетельствуя о неразделенности научной и художественной литературы, что было свойственно средневековой мировой литературе[5]. Убежденность в слитности двух линий, основывавшаяся на средневековом менталитете, отразилась в представлениях средневековых авторов арабской описательной географии, включавших в свои произведения на равных правах достоверное и недостоверное[6].

Преимущественный интерес к научной стороне средневековых географических сочинений заслонял от ученых вторую, не менее важную

2 Колоритные высказывания на данный счет можно найти в: [3, с. 163–170].

3 В публикации сочинения ал-Гарнати О.Г. Большаков и А.Л. Монгайт, следуя давней традиции, рассматривают этот памятник исключительно как «ценный исторический документ», «новый источник по истории», представляющий «большой интерес для историков, этнографов и археологов» и т. д., игнорируя вопрос о его значении как памятника средневековой арабской литературы, обладающего специфическими художественными особенностями [2, с. 5–6; 1, с. 14, 19, 20, 85, 130 и др.].

4 Данное утверждение применительно к историческим произведениям подкрепляется материалами нашей монографии о средневековом жизнеописании Мухаммада, характеризующемся нерасчлененностью историографического и литературного начал [8].

5 См., например, исследования о древнерусской литературе: [9, с. 80–160; 10, с. 129–153].

6 Только в середине XVII в. турецкий ученый-полигистор, географ и библиограф Хаджжи Халифа (1609–1657), много сделавший для изучения и пропаганды арабской литературы и культуры в целом, видимо, впервые на Ближнем Востоке отрешился от средневекового мировосприятия и отчетливо выразился о неуместности «пустых рассказов» в средневековых арабских географических сочинениях (подробнее см.: [6, с. 492]).

сторону средневековых произведений арабской описательной географии — художественную. При анализе средневековых произведений ученые исключали из своего поля зрения элементы *чудесного* и *вымысла*, *диковинки* как неправдоподобное и легендарное, искажающее достоверную картину, которая только и могла, по прежним представлениям, интересовать современного наблюдателя.

Со временем отношение к элементам *чудесного* претерпело изменения. Работа В.П. Демидчика «Мир чудес в арабской литературе XIII–XIV вв.: Закарийа ал-Казвини и жанр мирабилий», написанная в 70–80-е гг. XX в. и опубликованная уже после смерти автора в 2004 г., явилась по существу первой обстоятельно подготовленной и осуществленной попыткой пересмотра устаревших представлений об арабской средневековой описательной географии. *Чудесное* интерпретируется ученым как составляющее специфическую основу особенностей средневекового художественного мышления. В.П. Демидчик в этой связи справедливо пишет: «Мы настолько загипнотизированы фундаментальными методами классического источниковедения, искавшего только достоверное в арабских так называемых географических текстах, что целиком забываем о существующей второй их стороне — художественном вымысле и художественном мышлении, представляющих не меньший интерес для истории духовного развития, чем реально установленные факты» [3, с. 168].

Ученый подчеркивает, что жанр *рихла* на всех стадиях развития «тяготел к отражению удивительного и необычного», и завершает свои наблюдения итоговым выводом: «В основе таких фантастических литературных описаний можно выделить достоверный субстрат географического, исторического или натуралистического характера, что и составляет задачу представителей данных дисциплин. Для историка литературы больший интерес представляет литературно-художественный сплав вероятного и невероятного как характеристика художественного мышления определенной эпохи и народа». Исследователь высказывает предположение, что выявленные им особенности средневековых произведений описательной географии арабов впоследствии стали основой жанра путешествий в новой арабской литературе, «балансирующего в своих описаниях между достоверным и вымыслом» [3, с. 21, 163–167, 219 и др.].

Последнее замечание возвращает нас к главной теме нашей статьи — уточнению представления о формах и пределах преемственности новой

арабской литературы по отношению к средневековой в жанре описания путешествий. В первой половине XIX в. средневековый жанр *рихла*, характеризующийся сочетанием элементов художественности с элементами, имеющими прикладную ценность (данные по истории, географии, ботанике, зоологии, минералогии, геологии, сведения политического, бытописательского и т. п. характера), получил новое дыхание. В работах, посвященных модернизированным произведениям данного жанра, пристальное внимание уделяется прежде всего таким чертам новой литературы, как повышение реалистичности, трансформация средневекового художественного сознания и отступление от средневекового ви́дения мира. Вместе с тем необходимо отметить, что в этих работах редко обращается особое внимание на важную черту, роднящую их с произведениями средневекового жанра *рихла*, — существование особого мировосприятия авторов-просветителей, обусловленного наличием в их произведениях элементов *чудесного* (*ʻаджа'иб*).

Выше говорилось о том, что пропаганда арабских просветителей обращала внимание на достижения европейской культуры и европейского технического прогресса прежде всего в прагматическом плане, поскольку освоение европейского опыта, по их мнению, сулило арабам немалые практические выгоды. При этом не было сказано о том, что описание новинок европейского технического прогресса и экзотических (с точки зрения арабамусульманина) деталей культуры и быта европейцев происходило в соответствии с традицией описания *чудесного*, *диковинок*, *ʻаджа'иб*, *мирабилиа* в средневековых сочинениях. В нашей статье данная характерная особенность будет прослежена на материале трех упомянутых выше произведений жанра *рихла* арабской литературы Нового времени.

Во «Вступлении» к «Описанию Парижа» ат-Тахтави пишет, что вдохновителем труда был его учитель, известный улем, преподаватель (позднее — ректор) старейшего и наиболее престижного мусульманского духовного университета ал-Азхар, один из первых реформаторов ислама на Ближнем Востоке и вдохновителей национального возрождения Египта Хасан ал-ʻАттар (1766–1835). Вот как об этом пишет ат-Тахтави: «Когда имя мое было внесено в список отъезжающих (во Францию. — *А.К.*) и я укрепился в решении ехать, некоторые близкие и друзья, а особенно наш шейх ал-ʻАттар, большой охотник до рассказов о вещах удивительных и чудес-

ных (ʿ*аджа'иб ал-ахбар ва гара'иб ал-асар*), посоветовали мне записывать все, что случится в этой поездке и что доведется увидеть из диковинного и необыкновенного (*ал-умур ал-гариба ва-л-ашйа ал-ʿаджиба*), ибо оно может приподнять покрывало с лица этой страны, о которой говорят, что она прекрасна, как невеста, и послужит руководством для всех желающих поехать туда. Тем более что, как мне известно, с древнейших времен и до наших дней на арабском языке не появилось ничего ни об истории города Парижа, столицы Французского королевства, ни о состоянии его и его жителей» [16, с. 6].

Рекомендуя записывать диковинное и необыкновенное, шейх ал-ʿАттар предвосхищает сходство будущего сочинения ат-Тахтави со средневековыми произведениями жанра *рихла*, в которых видное место занимало описание «чудес и диковин» тех стран, в которых побывал путешественник. К таковым в «Описании Парижа» относились технические изобретения и научные открытия французов, феномены культуры (театры, музеи, библиотеки, учебные заведения, пресса) и общественной жизни (законодательство, судопроизводство, организация промышленности и торговли и т. д.) и даже предметы европейской культуры быта (столы, стулья, столовые приборы, порядок застолья, высокие кровати, солнечные зонтики, прогулки по бульварам, существование «моды», увешанные зеркалами богатые городские кафе, наряды и поведение француженок и т. п.). Добавим к этому, что в упоминавшемся произведении «Сведения о России» ат-Тантави говорит о большом впечатлении, которое на него произвели пароход, названный им *чудом* (в сочинении имеется 5 стихотворений автора на эту тему), и уличные фонари; особое внимание в его стихах занимают описание зимы, снега, белых ночей и т. п. (подробнее см.: [16, с. 84–89; 8, с. 165–166, 176 и др.; 4, с. 213–215; 11, с. 6]). Тенденция описания *диковинок* технического прогресса и деталей духовной и материальной культуры европейцев, характерная для «Описания Парижа» и «Сведений о России», заметна и в более позднем романе-путешествии «ʿАлам ад-Дин» ʿАли Мубарака.

Квалифицируя отношение авторов арабских травелогов к достижениям европейского прогресса как к *диковинкам*, *чудесному*, исследователи не заостряют внимание на особенностях изображения непривычных явлений западной жизни, привлекающего внимание специфическим характером описания. Рассмотрим в этой связи интересующий нас материал

в упомянутых произведениях подробнее. Приведем выдержку из сочинения ат-Тахтави с описанием театра в Париже.

> Эти театры представляют собой большие дома со сводчатыми залами. Под сводом в несколько этажей размещаются комнатки. С одной стороны находится широкая площадка, происходящее на которой видно изо всех комнаток. Зал освещается огромными люстрами, а под площадкой место для музыкантов... Площадку обставляют так, как того требует игра. Если хотят изобразить, к примеру, султана и его дела, обставляют площадку как дворец, наряжают человека султаном, читают его стихи и так далее...
>
> В этих «спектаклях» изображают все, что ни на есть, даже то, как море расступилось перед Мусой, мир ему. Рисуют море, устраивают так, чтобы оно волновалось и было полностью похоже на настоящее море. В один из вечеров я видел, как они закончили «театр» изображением солнца, которое двигалось и освещало «театр» так, что его свет был ярче света люстр, и людям казалось, что уже утро. Есть у них и еще более удивительные вещи... Самый великолепный «спектакль» в Париже называется «опера». Там прекрасные музыканты и танцоры. Они играют на музыкальных инструментах и танцуют, делая жесты, подобные жестам глухих и означающих удивительные вещи [16, с. 84–85].

Описание *диковинок* технического прогресса и деталей духовной и материальной культуры европейцев занимают ведущее место в романе-путешествии «‘Алам ад-Дин» Мубарака. Главные персонажи романа (‘Алам ад-Дин — шейх, выпускник исламского университета ал-Азхар, его сын и англичанин-востоковед, свободно владеющий арабским языком) совершают путешествие из Египта во Францию. Первый отрезок пути от Каира до Александрии они преодолели по железной дороге, о чем в романе повествуется в двух обширных главах (7 и 10) [18, с. 88–132, 164–184]. Однако описание собственно путешествия в романе отсутствует: читатель не найдет ни живых деталей, ни пейзажных зарисовок, ни путевых заметок и т. п. В описании поездки по железной дороге, как, впрочем, и во всем романе «‘Алам ад-Дин», последовательно устраняются живые детали, которые могли бы связывать героев с конкретной действительностью, отвлекли бы их от того, что было, по замыслу Мубарака, главным смыслом всего их путешествия

по железной дороге, — обсуждения достоинств данного средства сообщения по сравнению со всеми другими и т. п. Железная дорога рассматривается как *блестящий плод* человеческого труда (*ал-асар ал-бахир*) и *новое изобретение* (*ал-ихтира‘ ал-джадид*), как одно из *чудес всего сущего (‘аджа’иб ал-ка’инат*) [18, с. 88–89].

Приведем отрывок из романа, в котором ‘Али Мубарак вкладывает в уста шейха характерное рассуждение о паровозе: «Я размышляю об этом паровом локомотиве (*бахира*), тянущем вагоны, о его чудесном перемещении (*ал-харака ал-‘аджиба*) со столь удивительно высокой скоростью (*шиддат ас-сур‘а ал-гариба*), что молодые люди из простого народа даже говорят, будто он приводится в движение посредством совместных усилий джиннов и шайтанов, коих принудили безвозмездно работать на него, употребив заклинания, чары, талисманы и тому подобное» [18, с. 89][7]. Однако сразу же за данным текстом, напоминающим рассказы об *‘аджа’иб* в средневековых сочинениях, сам шейх снимает с описания мистический флер и направляет беседу на научно-технические сюжеты. По его просьбе англичанин рассказывает о паровых двигателях, устройстве паровоза, организации системы железнодорожного сообщения, об изобретении первого паровоза, приводит данные о протяженности железных дорог в разных странах и количестве пассажиров, о больших возможностях использования железных дорог в народном хозяйстве, о безопасности железных дорог по сравнению с другими видами транспортного сообщения и многое другое [18, с. 91–132].

Как явствует из приведенного отрывка, впечатления от железной дороги и паровоза излагаются так же, как у предшественников Мубарака изображались достижения технического прогресса и необычные для мусульман явления духовной и материальной культуры европейцев, т. е. как *чудесное* и *диковинки*. Эффект от изображения железной дороги, подобно *‘аджа’иб* в средневековых сочинениях, в романе «‘Алам ад-Дин» дополнительно создается и при помощи коранической реминисценции с картинами Страшного Суда, к которой шейх прибегает при рассказе о движении поезда с ошеломляющей египтян скоростью и о скоплении пассажиров перед посадкой в поезд: «Я вижу, что земля вместе с вагонами на ней скручивается,

7 Мубарак ‘А. ‘Алам ад-Дин. [18, с. 89]. Здесь и далее переводы из романа ‘Али Мубарака принадлежат автору статьи. Слово бахира, используемое в романе как наименование *паровоза*, *локомотива*, означает в современном арабском языке ‘*пароход*’.

будто писец свертывает свитки, как сказал Аллах[8]; я вижу также, что горы, которые считаются неподвижными, проплывают подобно облакам, дым поднимается вверх и словно раскалывает небо, искры рассыпаются в воздухе падающими звездами; тут и там возникает давка, как если бы твари людские толклись вместе [в день воскресения], а проездные документы пассажиров были бы не чем иным, как записками [с предъявленными перечнями дел]. Всё это напоминает мне об ужасах дня Страшного Суда, и мы просим Аллаха о спасении в ближайшей и будущей жизни» [18, с. 89].

Для выявления особенностей приведенных описаний в сочинениях арабских просветителей необходимо провести сравнение. Сравним изображение театра у ат-Тахтави с описаниями оперной постановки в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, приведенными в известном исследовании В.Б. Шкловского.

> На сцене были ровные доски по середине, с боков стояли крашеные картины, изображавшие деревья, позади было протянуто полотно на досках. В середине сцены сидели девицы в красных корсажах и белых юбках. Одна, очень толстая, в шелковом белом платье, сидела особо, на низкой скамеечке, к которой был приклеен сзади зеленый картон. Все они пели что-то. Когда они кончили свою песню, девица в белом подошла к будочке суфлера, и к ней подошел мужчина в шелковых, в обтяжку, панталонах на толстых ногах, с пером и кинжалом и стал петь и разводить руками… [17, с. 236; 12, с. 16].
>
> Во втором акте были картины, изображающие монументы, и была дыра в полотне, изображающая луну, и абажуры на рампе подняли, и стали играть в басу трубы и контрабасы, и справа и слева вышло много людей в черных мантиях. Люди стали махать руками, а в руках у них было что-то вроде кинжалов; потом прибежали еще какие-то люди и стали тащить прочь ту девицу, которая была прежде в белом, а теперь в голубом платье. Они не утащили ее сразу, а долго с ней пели, а потом уже ее утащили, и за кулисами ударили три раза во что-то металлическое, и все стали на колена и запели молитву. Несколько раз все эти действия прерывались восторженными криками зрителей [17, с. 239; 12, с. 16].

8 Отсылка к кораническому айату: «В тот день, когда Мы скрутим небо, как писец свертывает свитки» (21: 104) [15].

Теперь можно обратиться к сравнению описания театра у ат-Тахтави и оперной постановки в «Войне и мире» Л.Н. Толстого. В.Б. Шкловский приводит толстовские тексты в качестве примера одного из способов «вывода вещи из автоматизма восприятия» — «приема остранения», который, согласно ученому, у Л.Н. Толстого «состоит в том, что он не называет вещь ее именем, а описывает ее, как в первый раз виденную, а случай — как в первый раз происшедший, при чем он употребляет в описании вещи не те названия ее частей, которые приняты, а называет их так, как называются соответственные части в других вещах» [12, с. 13, 14, 16].

Вернемся к описанию театра и железной дороги у египетских авторов. Они представляют читателю европейский театр и железную дорогу как *диковинки*, как *чудесное*, чем и объясняется «наивно-детский», как бы *остраненный* характер их описаний. Однако *остранение* возникает в сознании европейского читателя, знакомящегося с переводами арабских сочинений, при сопоставлении их с соответствующими текстами европейской литературы. В.Б. Шкловский приводит толстовские тексты в качестве примеров «приема остранения». В приведенных им текстах изображаемые Л.Н. Толстым для читателя вещи и случаи можно было бы воспроизвести не «как в первый раз виденные» и «в первый раз происшедшие», а с «автоматизмом восприятия», но в таком случае пропала бы их художественность. В то время как египетские писатели рассказывают арабскому читателю о вещах и случаях *диковинных*, о которых последний в действительности в первый раз читает в трудах своих соотечественников; это — не *остранение*, а *псевдо-остранение*, если его характеризовать по признакам, сформулированным В.Б. Шкловским. У ат-Тахтави и Мубарака подобная манера описания имела скорее всего не художественную (или во всяком случае не только художественную), а прагматическую направленность. Оба автора стремились пробудить интерес у своих соотечественников к театру и к железной дороге с целью дальнейшего их внедрения в культурную и экономическую жизнь Египта. Наравне с пароходом, фонарями, парками и пр., театр и железная дорога квалифицируются и изображаются как *диковинка*, *чудесное* в европейской жизни, освоение чего сулит египтянам немалые выгоды. Прагматическая ценность театра[9] как института культурной жизни, по мне-

9 Отметим, что ни ат-Тахтави, ни ат-Тантави не проводят параллели между европейским актерским театром и традиционным арабским теневым театром.

нию арабских просветителей, состоит, в частности, в его предназначении «исправлять нравы», «наставлять, развлекая». Последняя часть формулы была хорошо известна арабам, поскольку относилась ими с эпохи Средних веков к нравоучительной литературе *адаба*. Новое рассматривалось как новое, но египетскому читателю предлагалось оценить его с помощью аналогий в привычных для него явлениях классической арабо-мусульманской культуры.

Тем не менее иностранный читатель не может отстраниться от ощущения особости описаний *чудесного* в арабской просветительской литературе. В новой арабской литературе *остраненные*, по Шкловскому, описания не находят места. Они замещаются специфическими описаниями, которые одновременно и сохраняют генетические связи со средневековыми произведениями *рихла*, и противопоставляются им. Обе группы арабских сочинителей объединяло стремление расширить мировоззренческий кругозор своих современников посредством стилистически нейтральных описаний *необычных* явлений, выходящих за пределы *обычных* представлений о реалиях окружающего их мира. Принципиальное различие между двумя группами текстов при ретроспективном взгляде сводится в самом общем виде к формуле: особость средневековых текстов состоит в том, что в них *чудесное* (*ʽаджа'иб*, *mirabilia*) описывается как неотъемлемая составляющая *реального* мировидения средневекового араба-мусульманина, тогда как в сочинениях арабских просветителей в качестве *чудесного* и *диковинного* пропагандируются *реалии* иноземного мира, инородные элементы по отношению к прежде герметичному, но ныне готовому к обновлению извне арабо-мусульманскому миру. В произведениях *рихла* двух разных периодов истории арабской литературы акцент ставится, согласно представлениям современников авторов этих произведений, на *удивительном* и *необычном*. В этом их отличие от *остраненных* описаний, суть которых, согласно формулировке В.Б. Шкловского, состояла в *необычном* описании *обычных* явлений.

Список литературы

Исследования

1 *Большаков О.Г.* Ал-Гарнати и его сочинения // Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153) / публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: ГРВЛ, 1971. С. 6–22.

2 *Большаков О.Г., Монгайт А.Л.* Предисловие // Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: ГРВЛ, 1971. С. 5–6.

3 *Демидчик В.П.* Мир чудес в арабской литературе XIII–XIV вв.: Закарийа ал-Казвини и жанр мирабилий. М.: Восточная литература, 2004. 277 с.

4 *Кирпиченко В.Н.* Рифаа ат-Тахтави и его книга «Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа...» // *Тахтави, ат-, Р.Р.* Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже / изд. подгот. В.Н. Кирпиченко. М.: Наука, 2009. С. 197–233.

5 *Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В.* История египетской литературы XIX–XX веков: в 2 т. М.: Восточная литература, 2002. Т. 1: Литература XIX – первой половины XX в. 406 с.

6 *Крачковский И.Ю.* [Арабская географическая литература] (1957) // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 4. 920 с.

7 *Крымский А.Е.* История новой арабской литературы. XIX – начало XX века. М.: [Наука], 1971. 794 с.

8 *Куделин А.Б.* «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама как памятник средневековой арабской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 320 с. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0692-5

9 *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 353 с.

10 *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. СПб.: Наука, 1998. 222 с.

11 *Реда М.М.А.* «Описание России» шейха Тантави как памятник арабской литературы XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 15 с.

12 *Шкловский В.Б.* Искусство, как прием // *Шкловский В.Б.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929. С. 7–23.

13 *Crabbs J.A.* The Writings of History in Nineteenth-century Egypt. Detroit: Wayne State University Press, 1984. 227 p.

14 *Netton I.R.* “Riḥla” // Encyclopaedia of Islam. 2nd ed. Leiden: E.J. Brill, 1955. Vol. VIII. P. 528.

Источники

15 Коран / пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: ГРВЛ, 1986. 727 с.

16 *Тахтави, ат- Р.Р.* Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже / изд. подгот. В.Н. Кирпиченко. М.: Наука, 2009. 270 с.

17 *Толстой Л.Н.* Война и мир (том второй). Т. 10 // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Юбилейное издание. М.: Гослитиздат, 1928–1958. 430 с.

18 *Мубарак ‘А.* ‘Алам ад-Дин (на араб. яз.). Александрия: Тип. газеты ал-Махруса, 1882. 1490 с.

References

1 Bol'shakov, O.G. "Al-Garnati i ego sochineniia" ["Al-Gharnati and His Works"]. *Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuiu i Tsentral'nuiu Evropu (1131–1153)* [*Journey of Abū Ḥāmid al-Gharnāṭī to Eastern and Central Europe (1131–1153)*], publ. by O.G. Bol'shakov and A.L. Mongait. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ., 1971, pp. 6–22. (In Russ.)

2 Bol'shakov, O.G., and A.L. Mongait. "Predislovie" ["Preface"]. *Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuiu i Tsentral'nuiu Evropu (1131–1153)* [*Journey of Abū Ḥāmid al-Gharnāṭī to Eastern and Central Europe (1131–1153)*], publ. by O.G. Bol'shakov and A.L. Mongait. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ., 1971, pp. 5–6. (In Russ.)

3 Demidchik, V.P. *Mir chudes v arabskoi literature XIII–XIV vv.: Zakariia al-Kazvini i zhanr mirabilii* [*The World of Miracles in Arabic Literature of the 13th–14th Centuries: Zakariyyā al-Ḳazwīnī and the Mirabilia Genre*]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2004. 277 p. (In Russ.)

4 Kirpichenko, V.N. "Rifaa at-Takhtavi i ego kniga ʿIzvlechenie chistogo zolota iz kratkogo opisaniia Parizha…'." ["Rifa'a at-Tahtawi and His Book ʿThe Extrication of Gold in Summarizing Paris…'."] Takhtawi, at-, R.R. *Izvlechenie chistogo zolota iz kratkogo opisaniia Parizha, ili Dragotsennyi divan svedenii o Parizhe* [*The Extrication of Gold in Summarizing Paris, or Precious Dīwān of Information About Paris*], ed. prep. by V.N. Kirpichenko. Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 197–233. (In Russ.)

5 Kirpichenko, V.N., and V.V. Safronov. *Istoriia egipetskoi literatury XIX–XX vekov: v 2 t.* [*History of Egyptian Literature of the 19th–20th Centuries: in 2 vols.*], vol. 1: Literatura XIX – pervoi poloviny XX v. [Literature of the 19th – First Half of the 20th Centuries]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2002. 406 p. (In Russ.)

6 Krachkovskii, I.Iu. "Arabskaia geograficheskaia literatura (1957)" ["Arab Geographical Literature (1957)"]. Krachkovskii, I.Iu. *Izbrannye sochineniia: v 6 t.* [*Selected Works: in 6 vols.*], vol. 4. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1957. 920 p. (In Russ.)

7 Krymskii, A.E. *Istoriia novoi arabskoi literatury. XX – nachalo XX veka* [*History of Modern Arabic Literature. 19th – Early 20th Centuries*]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 794 p. (In Russ.)

8 Kudelin, A.B. *"Zhizneopisanie Proroka" Ibn Iskhaka — Ibn Khishama kak pamiatnik srednevekovoi arabskoi literatury* [*"The Life of Muhammad" by Ibn Isḥāq — Ibn Hishām as a Monument of Medieval Arabic Literature*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 320 p. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0692-5 (In Russ.)

9 Likhachev, D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [*The Poetics of Early Russian Literature*]. 3rd ed., ext. Moscow, Nauka Publ., 1979. 353 p. (In Russ.)

10 Likhachev, D.S. *Razvitie russkoi literatury X–XVII vekov: Epokhi i stili* [*Development of Russian Literature in the 10th–17th Centuries: Epochs and Styles*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 222 p. (In Russ.)
11 Reda, M.M.A. *"Opisanie Rossii" sheikha Ṭantavi kak pamiatnik arabskoi literatury XIX veka* [*"Description of Russia" by Sheykh al-Ṭanṭāwī as a Monument of Arabic Literature of the 19th Century: PhD Thesis, Summary*]. Leningrad, 1984. 15 p. (In Russ.)
12 Shklovskii, V.B. "Iskusstvo, kak priem" ["Art as Technique"]. Shklovskii, V.B. *O teorii prozy* [*Theory of Prose*]. Moscow, Federatsiia Publ., 1929, pp. 7–23. (In Russ.)
13 Crabbs, Jack A. *The Writings of History in Nineteenth-century Egypt*. Detroit, Wayne State Univ. Press, 1984. 227 p. (In English)
14 Netton, Ian Richard. "Riḥla." *Encyclopaedia of Islam*, vol. 8. 2nd ed. Leiden, E.J. Brill, 1955, p. 528. (In English)